

JÜDISCHE ALLGEMEINE

KOMPАКТ

DEUTSCH-RUSSISCHE EDITION – НЕМЕЦКО-РУССКОЕ ИЗДАНИЕ

MÄRZ 2024 | ADAR I – ADAR II 5784

3/2024

МАРТ 2024 | АДАР I – АДАР II 5784

VKZ 61642

Foto: Getty Images/Stockphoto

Purim – der fröhlichste
jüdische Feiertag

Seite 14

Пурим – самый весёлый
еврейский праздник

стр. 15

Väter wie Sterne

BERLIN Mit einem großen Fest feierte die Gemeinde der kaukasischen Juden in Deutschland ihr zehnjähriges Bestehen

MASCHA MALBURG

Albert Rabaev hat schon vor Tausenden Fernsehzuschauern gesungen, doch vor diesen etwa 200 Gästen holt er nervös Luft, bevor er seine Stimme erhebt: »Behoymu ischmu istit ashtar oyumu ...«. Der junge Mann schließt die Augen. Er singt auf Juhuri, der einzigartigen Sprache der Juhur, der Bergjuden. Eine persische Sprache, gewürzt mit aserbaid-schanischen, russischen und vor allem hebräi-schen Einflüssen. Die Sprache, die die Juden aus Dagestan, aus Aserbaidschan und Tschetschenien bis heute verbindet, auch wenn sie inzwischen in Israel, in den USA oder in Deutschland leben. Für Albert Rabaev, den jungen Sänger aus Berlin, ist es die Sprache seiner Großeltern, von der er selbst nur einzelne Floskeln kennt.

Nach dem Auftritt wird Albert Rabaev sein Handy aus der Tasche ziehen. »Schau mal, meine Oma hat mir geholfen, das Lied zu übersetzen«, wird er sagen. Ebenjene dort abgedruckte Zeile sei besonders poetisch, findet Albert und liest: »Eure Väter sind wie Sterne ... sie leuchten euch den Weg.« Es könnte das Motto dieses Abends sein, an dem das zehnjährige Bestehen der Gemeinde der kaukasischen Juden in Deutschland (GKJD) gefeiert wird.

TRADITION Wie überall auf der Welt kämpfen auch die Bergjuden in Deutschland darum, ihre über viele Jahrhunderte in kaukasischen Bergdörfern erhaltene Tradition über die Migrationsströme der Moderne zu retten und an ihre Kinder weiterzugeben. Auch deshalb hatte sich die Gemeinschaft 2014 gegründet. Heute zählt die Gemeinde bundesweit knapp 4000 Mitglieder. Die meisten von ihnen leben in Berlin, Frankfurt und Nürnberg. Josef Schuster, der Präsident des Zentralrats der Juden, dessen Grußwort auf der Gala verlesen wird, nennt die GKJD ein Netzwerk der Begegnung, der Identitätsstiftung, des Erinnerns an die weitreichende Historie und des Erhalts der Sprache. »Durch die enge Verbundenheit innerhalb Ihrer kleinen Gemeinschaft werden individuelle Geschichten und Traditionen besser bewahrt und weitergegeben«, betont er.

Die kaukasischen Juden in Deutschland, diese Minderheit in der Minderheit, müssen besonders darauf achten, ihre Traditionen zu erhalten, findet auch Avi Shefatja. Der Vorsitzende plant Juhuri-Sprachkurse und bemüht sich, in Frankfurt und Berlin sefardische Gebete zu ermöglichen, nach deren Ritus sich die Bergjuden richten. Auch der Vorsitzende der Jüdischen Gemeinde zu Berlin, Gideon Joffe, verspricht an diesem Abend: Wenn alles gut läuft, könne die sefardische Synagoge in der Passauer Straße in diesem Jahr wieder öffnen. Nach den Missbrauchsvorwürfen gegen einen ehemaligen Rabbiner der Gemeinde haben nicht-aserbaidschanische Juden in Berlin derzeit kein aktives Gotteshaus mehr. Umso bewegter sind an diesem Abend die Gäste, als Rabbiner Avraham Daus, der ehemalige Kantor der sefardischen Gemeinde, spontan zwei bekannte Melodien anstimmt.

Doch wer sind eigentlich die Bergjuden? Eben keine Sefarden oder Misrachim, erklärt Shefatja. Sie gehören, neben den bucharischen Juden, zu den eigenständigen jüdischen Völkern Zentralasiens.

German Djanatliev ist Historiker und stellvertretender Vorsitzender der GKJD. »Die Geschichte des jüdischen Volkes ist seltsam und unverständlich, aber die Geschichte der kaukasischen Juden ist noch unverständlicher«, scherzt er und versucht sich dann doch an einer Erklärung: »Etwa 200 Jahre nach unserer Zeitrechnung begann das persische Reich, die Gebirgspässe des Kaukasus zu überwachen, auf denen Armeen vom Iran aus nach Europa gelangen konnten.«

Die Juhur, wie sie sich selbst nannten, pflegten ihre jüdischen Traditionen über Jahrhunderte.

Zu dieser Zeit wurden Juden aus Persien in der Region sesshaft, »eben die Vorfahren der heutigen Bergjuden«, sagt Djanatliev. Diesen Namen bekam das Volk allerdings erst, als im 19. Jahrhundert russische Soldaten die Region eroberten und auf Juden trafen, die sich stark von den aschkenasischen Juden aus ihrer Heimat unterschieden. Sie benannten sie nach den Bergen, in denen sie, tief geprägt von den kaukasischen Bergkulturen, lebten. Dennoch behielten die Juhur, wie sie sich selbst nannten, über Jahrhunderte ihre jüdischen Traditionen bei.

TOURISTEN Auch wenn die meisten Bergjuden infolge der Kriege und Unsicherheiten nach dem Zerfall der Sowjetunion auswanderten, gibt es heute noch einige Orte im Kaukasus mit jüdischem Leben. Heraus sticht die rote Siedlung in Aserbaidschan, die von faszinierten Touristen gern als »das letzte Shtetel der Welt« bezeichnet wird – obgleich das jiddische Shtetel natürlich nicht ganz passt: Hier leben noch 3000 Juhuri sprechende Juden, es gibt eine Jeschiwa und seit 2020 das erste Museum der Bergjuden weltweit.

Es ist auch – das betont an diesem Abend der aserbaid-schanische Botschafter Nasimi Aghayev – einer der wenigen jüdischen Orte der Welt, die kaum Antisemitismus erlebt haben. Die rote Siedlung steht für eine jahrhundertelange Koexistenz mit der muslimischen Stadt auf der anderen Seite des Flusses. Aserbaidschan, sagt der Botschafter, sei »ein sicherer Zufluchtsort für Juden«. Viele aserbaid-schanische Juden teilen diese Auffassung.

Gleichzeitig emigrierten in den 90er-Jahren Tausende aserbaid-schanische Juden nach Israel, wo sie aufgrund des hohen Gefährdungsgrads in ihrer Heimat im Alija-Prozess priorisiert wurden. Es gibt also zwei Varianten der Geschichte.

Traditionen, Tanz und Beisammensein: Es herrscht ausgelassene Stimmung, Traditionen, Tänze und Beisammensein: Es herrscht ausgelassene Stimmung beim zehnjährigen Jubiläum der Bergjuden in Berlin.

Stimmung beim zehnjährigen Jubiläum der Bergjuden in Berlin. 10-jähriges Jubiläum OEGE in Berlin: eine wilde Party.

Отцы, как звёзды

BERLIN Большой праздник по поводу 10-летнего юбилея Общины горских евреев в Германии

МАША МАЛЬБУРГ

Альберту Рабаеву уже доводилось выступать перед тысячами телезрителей, однако сейчас, стоя перед примерно 200 гостями, он, волнуясь, делает глубокий вдох, прежде чем запеть: «Бебехойму исхму иштит асдаройму...» Рабаев закрывает глаза. Он поёт на джухури, уникальном языке горских евреев (джухур). Джухури – это язык иранской группы, который претерпел влияние азербайджанского, русского и особенно древнееврейского языков. Он по сих пор объединяет евреев из Дагестана, Азербайджана и Чечни, даже если сегодня они живут в Израиле, США или Германии. Для молодого певца из Берлина Альберта Рабаева это язык его бабушек и дедушек, сам он знает лишь несколько фраз.

После выступления Рабаев достаёт из кармана мобильный телефон: «Смотри, бабушка помогла мне перевести эту песню». Он читает строку, которая кажется ему особенно поэтичной: «Отцы наши, как звёзды, [...] они освещают нам путь». Эти слова могли бы стать девизом торжественного вечера, посвящённого празднованию 10-летнего юбилея Общины горских евреев в Германии (ОГЕГ).

ТРАДИЦИИ В результате миграции последних десятилетий горские евреи оказались разбросанными по разным странам мира. Тем не менее они стараются сохранять свои многовековые традиции, сложившиеся в горных аулах, и передавать их своим детям. Горские евреи в Германии здесь не исключение. В том числе и поэтому в 2014 году была основана ОГЕГ. Сегодня община насчитывает почти 4000 членов по всей Германии. Большинство из них проживает в Берлине, Франкфурте-на-Майне и Нюрнберге. В своём приветственном слове, зачитанном в ходе праздничного вечера, президент ЦСЕГ Йозеф Шустер назвал ОГЕГ объединением, которое способствует налаживанию контактов, формированию идентичности, сохранению языка и памяти о богатой истории. «Тесные связи внутри вашего маленького сообщества позволяют лучше сохранять и передавать последующим поколениям индивидуальные истории и традиции», – подчеркнул он.

Председатель ОГЕГ Ави Шефатья также считает, что горские евреи, представляющие собой меньшинство внутри меньшинства, должны уделять особое внимание сохранению своих традиций. Он планирует организовать курсы джухури и проведение во Франкфурте и Берлине богослужений в соответствии с сефардским канонem, которому следуют горские евреи. Выступая на торжественном вечере, председатель Еврейской общины Берлина Гидеон Йоффе пообещал, что если всё пойдёт по плану, то сефардская синагога на Пассауэр-штрассе снова откроется уже в этом году. После того как одного из раввинов общины

обвинили в злоупотреблениях и уволили, неашкеназские евреи в Берлине остались без действующей синагоги. Поэтому присутствие ваваше на вечере гости были очень тронуты, когда бывший кантор сефардской общины раввин Авраам Дaus спонтанно исполнил две известные мелодии.

Однако кто такие горские евреи? Как поясняет Шефатья, они не сефарды и не мизрахим. Наряду с бухарскими евреями, они относятся к числу самостоятельных еврейских народов Центральной Азии. Заместитель председателя ОГЕГ историк Герман Джанатлиев шутит, что «история еврейского народа странная и запутанная, а история горских евреев ещё более запутанная». Тем не менее он делает попытку пролить свет на данный вопрос: «Около 200 года н. э. Персидская империя взяла под контроль горные перевалы Кавказа, через которые её армии могли попасть из Ирана в Европу».

В то время евреи из Персии осели в этом регионе. Как рассказывает Джанатлиев, они и были предками нынешних горских евреев. Кстати, название «горские евреи» возникло лишь в XIX веке, когда эту территорию захватили русские солдаты. Там они столкнулись с евреями, которые сильно отличались от известных им ашкеназских евреев. Так как они жили в горах, их назвали горскими евреями. Хотя джухур, как они сами себя называют, подверглись значительному культурному влиянию народов Кавказа, они веками сохраняли свои еврейские традиции.

ТУРИСТЫ Несмотря на то что после распада СССР большинство горских евреев покинуло родину вследствие войн и тревожной обстановки, на Кавказе по сей день есть места, где сохраняется еврейская жизнь. В этой связи особенно выделяется Красная Слобода в Азербайджане, которую восхищённые туристы любят называть «последним штетлом в мире», хотя идишское название «штетл» в данном случае, конечно же, не вполне уместно. Здесь всё ещё проживает 3000 говорящих на горско-еврейском языке евреев, действует ешива, а с 2020 года – первый в мире Музей горских евреев.

Как подчеркнул, выступая на вечере, посол Азербайджана Насими Агаев, это также одно из немногих еврейских мест в мире, которые практически никогда не сталкивались с антисемитизмом. Красная Слобода на протяжении веков сосуществовала с мусульманским городом на другой стороне реки. По словам посла, Азербайджан – это «надёжное прибежище для евреев». Многие азербайджанские евреи разделяют это мнение.

Тем не менее в 90-е годы в Израиле эмигрировали тысячи азербайджанских евреев, причём ввиду опасности, грозившей им на родине, их алие был присвоен приоритетный статус. Как мы видим, есть две разные версии истории.

Ein schwer beschädigtes Wohnhaus nach einem russischen Raketenangriff Anfang Januar in Kyiv
Foto: picture alliance / Anadolu
Жилой дом в Киеве, сильно повреждённый в результате российского ракетного удара в начале января

Wütende Ohnmacht

UKRAINE Nach zwei Jahren Krieg trauert unsere Autorin über ihre zerstörte Heimat – und will dennoch die Hoffnung nicht aufgeben

MARINA WEISBAND

Ich war das letzte Mal 2019 in der Ukraine. Das war vor der Pandemie. Jedes Jahr war ich dort. Habe meine Familie gesehen. Jede Straße und jedes Haus in Kyiv gekannt. Und jedes Jahr hoffe ich darauf, zurückkehren zu können. Seit zwei Jahren ist ein Teil von mir dort. Jeden Tag. Bei jeder Meldung, jeder Analyse, jedem Telefonat mit der Familie. Bald zwei Jahre dauert die russische Invasion nun an. Die Verwandten werden älter. Die Städte verändern sich. Häuser werden zerstört. Menschen sterben. Jeden Tag.

Was bleibt nach zehn Jahren Krieg? Nach zwei Jahren voller Invasion? Ein verzweifelter Abwehrkampf. Eine völlig unklare Aussicht. Eine bleierne Erschöpfung. Und eine unbändige Wut.

»Sind die Ukrainer nicht müde vom Krieg?«, werde ich von deutschen Medien gefragt. Natürlich sind sie es. Aber was sollen sie denn tun? »Es kostet ungläubliche Opferbereitschaft, sein Land so zu verteidigen«, sagen die Deutschen. Nein! Es kostet größere Opferbereitschaft, sein Land aufzugeben und einer mordenden, vergewaltigenden und Kinder entführenden Armee zu überlassen. Wenn man mit dem Rücken zur Wand steht, kann man müde sein und verzweifelt und verloren, aber man macht trotzdem weiter. Denn was soll man sonst tun?

EUPHORISCH Ich war euphorisch auf dem Maidan 2014. Die Ukraine erhob sich gegen die sowjetisch-autoritaristische Tradition und kämpfte für die Demokratie. Die Ukraine wollte ein westliches, freies Land werden. Die EU stellte einen baldigen Beitritt in Aussicht. Natürlich konnte Putin das nicht auf sich sitzen lassen. Als er Signale setzte und die Krim annektierte, reagierte der Westen nicht mit Unterstützung der Ukraine, sondern

mit Passivität. Man kehrte zum Tagesgeschehen zurück. Die ausgestreckte Hand wurde wieder gestenkt.

Im Frühling 2022 war ich optimistisch. Entgegen meinen Befürchtungen erkannte die Weltgemeinschaft recht schnell, dass Russland einen Angriffskrieg führt. Und stellte sich dagegen. Überwältigende Solidarität auf den Straßen, Olaf Scholz' Zeitenwende-Rede, Sanktionen gegen Russland. Man versprach der Ukraine Hilfe – vor allem in Form von Waffen. Kyiv wurde erfolgreich verteidigt, und Putin musste verstehen, dass sein Plan gescheitert war. Die Ukraine hatte eine echte Chance, die kriegerische Ausbreitung des Faschismus im Keim zu ersticken.

Doch das Versprochene wurde nicht geliefert. Meine stille Hoffnung, im folgenden Jahr die Familie wiederzusehen, verflieg. Zu viel Zögern und Zurückhaltung. Ich schrieb und erklärte und bettelte dagegen an: »Wir bekommen zu viel zum Sterben und zu wenig zum Leben!« Ein ähnliches Hoffen und Verzweifeln wiederholte sich im Herbst 22, als die Ukraine mit der Befreiung von Kherson und der Kharkiver Region einen neuen Schwung erlebte – und die westlichen Waffenlieferungen für einige Monate praktisch eingestellt wurden.

Der Westen wunderte sich, warum die ukrainische Gegenoffensive nicht so gut laufe. Ja wie denn auch? Man hatte Putin Zeit gelassen, neu zu mobilisieren und Verteidigungslinien zu festigen. Jede solcher überraschten Analysen fuhr mir unter die Haut und zerstörte einen Teil in mir. Einen Teil des Glaubens an die Menschheit und an die Verteidigungsfähigkeit der Demokratie.

Dabei könnte man alles, was passiert, durchaus als rationalen Schachzug betrachten. Warum sollte es für die NATO nicht die nachhaltigere Lösung sein, Russland nicht direkt abzuschrecken, sondern

über eine lange Zeit in der Ukraine ausbluten zu lassen, um die russische Wirtschaft und Verteidigungsfähigkeit zu reduzieren? Wie lässt sich anders erklären, dass US-Präsident Biden noch vor der Invasion gesagt hat, die NATO würde nicht eingreifen, wenn Russland in der Ukraine einmarschiert? Schon damals wurde das von vielen ukrainischen Analysten als Einladung verstanden. Und seitdem ist die Unterstützung genau das: ein wohlgeregelter Tropfen der Lebenserhaltung eines Krieges, der jeden Tag Hunderte Menschen tötet, Kindern ihre Eltern nimmt und Eltern ihre Kinder. Weil diese Menschen in der Geopolitik kein Begriff sind.

TRAUMATISIERT Und während der Westen wiederholt lockt, die Ukraine mit einer Hand auf seine Seite zieht und mit der anderen fallen lässt, fragen sich die Ersten, wie lange sie sich noch an der Nase herumführen lassen. Während die USA Budgetplanungen für die nächsten zehn Kriegsjahre anstellen, wird die Ukraine zehn Jahre Krieg nicht mehr überleben. Die Tapfersten sterben täglich. Die Menschen sind massenhaft traumatisiert. Die Wirtschaft liegt brach. Die Felder sind auf Jahrhunderte vermint. Die Natur hat unrettbar Schaden erlitten.

Was bleibt, ist eine zerstörte Heimat. Sind tote Verwandte. Ist eine wütende Ohnmacht. Ich hatte immer zwei Länder, in die ich gehen konnte, falls es in Deutschland zu gefährlich wird. Ich habe die ukrainische Staatsbürgerschaft und kann jederzeit die israelische bekommen. Ich habe Familie in beiden Ländern. Und keines davon ist nunmehr ein sicherer Hafen. Aber ich bestehe. Wir bestehen. Und vielleicht geht das Leben weiter. Und vielleicht kann aus der Ukraine etwas Neues werden, wenn sie sich vom Krieg erholt. Ich weiß nicht, welche Hoffnung ich habe. Aber ich habe sie. Weil ich keine andere Wahl habe.

Marina Weisband ist Psychologin und Beteiligungspädagogin. Sie wurde 1987 in Kiew geboren.
Foto: IMAGO/Jürgen Heinrich
Психолог и педагог в области партиципации Марина Вайсбанд родилась в 1987 году в Киеве.

Гнев и чувство бессилия

UKRAINE Автор статьи оплакивает свою родину, истощённую двумя годами войны, но не теряет надежды

MARINA WEISBAND

Последний раз я была в Украине в мае 2019 года. Это было до пандемии. Я ездила туда каждый год, навещала семью, знала каждый переулок, каждый дом в Киеве. Год за годом я надеюсь, что смогу туда вернуться. Два года часть моей души переносится туда, каждый день, когда я смотрю репортажи, читаю аналитические статьи, разговариваю с родными по телефону. Российское вторжение продолжается уже два года. Мои родственники стареют. Города меняются. Разрушаются дома. Погибают люди. Каждый день.

Что остаётся после десяти лет войны, после двух лет агрессивного вторжения? Отчаянная оборонительная борьба. Совершенно неясные перспективы. Свинцовая усталость. И необузданный гнев. «Разве украинцы не устали от войны?» – спрашивают меня немецкие журналисты. Конечно, устали. Но что им делать? «Кто так защищает свою страну, проявляет готовность к невероятным жертвам», – считают немцы. Нет! Гораздо большую готовность к жертвам проявил бы тот, кто отказался бы от своей страны и отдал бы её на произвол вражеской армии, которая убивает, насилует, похищает детей. Тот, кто прижат спиной к стене, может только продолжать отбиваться, несмотря на ужасную усталость, отчаяние и безысходность. А что ему ещё остаётся?

ЭЙФОРΙΑ На Maidane в 2014 году я была в эйфории. Восстав против традиции советского авторитаризма, Украина боролась за демократию. Украина хотела стать западным, свободным государством. ЕС манил перспективой

скорого вступления. Разумеется, Путин не мог с этим смириться. Аннексия Крыма была его демонстрацией силы, но Запад предпочёл не поддерживать Украину, а сохранить пассивность. Все быстро вернулись к насущным делам. Протянутую руку опустили.

Весной 2022 года я была настроена оптимистически. Вопреки моим опасениям, мировое сообщество быстро осознало, что Россия ведёт агрессивную войну, и решило сопротивляться. Потрясающая солидарность на улицах, речь Олафа Шольца о «переломном моменте истории», санкции против России. Украине пообещали помощь, прежде всего оружием. Оборона Киева была успешной, Путину пришлось признать, что его план провалился. У Украины появился реальный шанс пресечь воинственное распространение фашизма ещё в зародыше.

Но обещания не были выполнены. Моя робкая надежда в следующем году вновь увидеть семью растаяла. Слишком много колебаний и осторожности. Я писала, объясняла, умоляла: «Нам дают слишком много, чтобы умереть, но слишком мало, чтобы выжить!» Осенью 2022 года надежды вновь сменились отчаянием, когда, освободив Херсон и Харьковскую область, Украина воспряла духом, после чего Запад на несколько месяцев практически полностью прекратил поставки оружия.

Запад недоумевал, почему украинское контрнаступление идёт не так хорошо, как хотелось бы. Что в этом удивительного? Ведь Путину дали время на проведение новой мобилизации и укрепление линий обороны. А ведь всему происходящему вполне можно найти рациональное объяснение. Разве не ловко с точки зрения НАТО не противостоять России напрямую, а обескровить её в ходе многолет-

ней войны в Украине, постепенно ослабляя её экономику и обороноспособность? Иначе как объяснить заявление президента США Байдена о том, что НАТО не станет вмешиваться, если Россия вторгнется в Украину? Уже тогда многие украинские аналитики расценили это как приглашение к действию. С тех пор поддержка Запада так и остаётся чётко отрегулированной капельницей жизнеобеспечения войны, которая каждый день убивает сотни людей. Потому что в геополитическом расчёте эти люди не играют роли.

ТРАВМА И пока Запад продолжает манить Украину, одной рукой притягивая, а другой отказывая ей в поддержке, некоторые уже задаются вопросом, долго ли ещё их будут водить за нос. Пусть США планируют военный бюджет на следующие десять лет, но для всех очевидно, что ещё десять таких лет Украина не переживёт. Каждый день гибнут самые храбрые. Огромное количество людей получили психологические травмы. Экономика разрушена. Поля заминированы на века. Природе нанесён непоправимый ущерб.

В итоге: разрушенная родина, погибшие родственники, гнев и чувство бессилия. У меня всегда было две страны, куда я могла податься, если в Германии станет слишком опасно. У меня есть украинское гражданство, а израильское я могла бы получить в любой момент. В обеих странах у меня есть родственники, и обе страны перестали быть надёжным убежищем. Но я выстою. Мы выстоим. И жизнь, быть может, будет продолжаться. Быть может, Украина преобразится во что-то новое, когда она опротивится от войны. Я не знаю, на что я надеюсь. Но я надеюсь. Ведь у меня нет выбора.

Für die Kinder

SEMINAR Eine Fachtagung der ZWST widmete sich den Fragen von pädagogischen Fachkräften

ANJA BAUMGART-PIETSCH

Wie ist das bei euch denn mit der altersübergreifenden Arbeit? «Was habt ihr während Corona gemacht, bei uns hat die Musikpädagogin immer Videos für alle geschickt.» «Habt ihr auch männliche Erzieher?» Der Austausch am Mittagstisch in der Jüdischen Gemeinde Frankfurt ist rege.

Rund 60 meist weibliche Fachkräfte aus jüdischen Kitas in ganz Deutschland sind an diesem Montag im Januar zur ersten Fortbildung nach Frankfurt angereist. Gastgeber ist die Zentralwohlfahrtsstelle der Juden in Deutschland (ZWST).

«Wir haben bisher zwei jährliche Fortbildungen für pädagogische Fachkräfte in Bad Sobernheim organisiert», erklärt Anastasia Quensel vom Kinder-, Jugend und Familienreferat der ZWST, die für das Programm verantwortlich ist. Nun habe man sich dazu entschlossen, das Ganze noch stärker zu professionalisieren und die Fachtagung in Frankfurt abzuhalten. Die Resonanz lasse hoffen, so Quensel. «Wir möchten das gern weiter jährlich veranstalten.»

ZIELGRUPPE Die Zielgruppe sind pädagogische Fachkräfte aus jüdischen Einrichtungen. «Es gibt viele verschiedene Weiterbildungen für diese Gruppen, aber eine Weiterbildung, die auch einen jüdischen Kontext und jüdische Inhalte hat, fehlt. Deswegen hatten wir in der Vergangenheit schon Fortbildungen organisiert. Zudem bietet es die Chance, dass die Einrichtungen sich austauschen können. Die wenigsten Städte haben mehr als eine jüdische Einrichtung, und das macht den Austausch schwer», weiß Quensel. Hier hingegen klappt der Austausch auf Anhieb, wie die Mittagsrunde beweist. Raum für informelles Netzwerken gibt es reichlich an den beiden Tagen.

»Der Bedarf und das Interesse sind groß, das merken wir«, sagt ZWST-Direktor Aron Schuster.

Doch ebenso gibt es viel fachlichen Input – spezifisch jüdischen Inhalt wie auch allgemeine pädagogische Vorträge. Aron Schuster, Direktor der ZWST, der sich über das große Interesse von Fachkräften aus insgesamt zwölf Einrichtungen deutschlandweit – von Hamburg bis Stuttgart – freut, begrüßt das Auditorium. »Der Bedarf und das Interesse sind groß, das merken wir.«

ANFORDERUNGEN Kitas seien nicht nur Bildungsorte, sondern erfüllten eine Vielzahl von Zwecken: Gesundheitsförderung, Kinderschutz, Identitätsstiftung zum Beispiel. Dadurch stiegen

auch die Anforderungen an die Fachkräfte stetig. »Während der Corona-Zeit haben wir immer von der Systemrelevanz der Kitas gesprochen. Und meinten damit hauptsächlich: damit die Eltern arbeiten können. Aber systemrelevant sind auch die Bildungsaufgaben«, sagt Schuster. Besonders jüdische Kitas könnten auch dafür sorgen, dass Grundlagen für die Weiterexistenz jüdischer Gemeinden gelegt würden. Es habe in den vergangenen Jahren positiverweise viele Gründungen gegeben. »Daher ist das hier ein absolutes Zukunftsthema«, schließt Schuster.

Das erste Impulsreferat kommt von Kinderrechtlerin Miriam Zeleke. Sie ist Hessische Landesbeauftragte für Kinder- und Jugendrechte. Die Kinderrechtskonvention der Vereinten Nationen ist in Deutschland 1992 in Kraft getreten und umfasst eine Vielzahl von Rechten wie Gesundheit, Schutz vor Gewalt, ärztliche Behandlung, Spiel und Freizeit, aber auch das Recht auf Partizipation und eine eigene Meinung. Viele kennen dieses Gesetzeswerk nicht. Kita-Fachkräfte müssen im Alltag damit umgehen, auch nach den Maßgaben des deutschen Sozialgesetzbuchs.

»Kinder zu stärken, das bedeutet, die Gesellschaft zu stärken«, sagt Zeleke und erhält dafür den Beifall der Zuhörer. »Wir müssen ihnen die Kraft zur Reflexion mitgeben.« Das belegt sie anhand eines Zitats von Theodor W. Adorno: »Die Forderung, dass Auschwitz nicht noch einmal sei, ist die allererste an Erziehung. Sie geht so sehr jenseits anderer voran, dass ich weder glaube, sie begründen zu müssen noch zu sollen. Ich kann nicht verstehen, dass man sich mit ihr bis heute so wenig abgegeben hat. Sie zu begründen, hätte etwas Ungeheuerliches angesichts des Ungeheuerlichen, das sich zutrug.«

WORKSHOPS Ein spezifisch jüdisches Thema kommt von Yosef Gillers, eigens für diesen Workshop aus den USA angereist. Er ist Gründer einer jüdischen Umweltbildungsorganisation namens »GrowTorah«. In den USA veranstaltet diese Organisation Seminare und Camps für Schulen und Erziehungseinrichtungen, um die Umwelt im Sinne der Tora zu verstehen, zu schützen und zu achten. In Europa habe er das Konzept bislang noch nicht vorgestellt, sagt Gillers. Anhand konkreter Stellen der Tora verdeutlicht er die Werte seines Programms: Es sei quasi »Outdoor Jewish Education«, es gehe um Leidenschaft, Mitgefühl und Nachhaltigkeit, gespeist von den Werten der Tora.

Weitere Workshops umfassten unter anderem die Themen »Auf eigene Bedürfnisse achten«, »Leichte Sprache« und, gehalten vom Frankfurter Rabbiner Julian-Chaim Soussan, »Vermittlung jüdischer Inhalte an nichtreligiöse Kinder«. Dazu konnte man zu Beginn schon bunte Bildtafeln an den Wänden bewundern. Es ist im Alltag der Kitas sicher besonders spannend, denn, so war zu hören, in den meisten jüdischen Kitas sind Kinder unterschiedlichster religiöser Herkunft vertreten – ebenso wie beim Personal: gelebte Vielfalt.

Die Teilnehmerinnen der ersten Fachtagung der ZWST sprachen über ihre Themen und Motivation.
★ Teilnehmerinnen der ersten Fachtagung der ZWST sprachen über ihre Themen und Motivation.
★ Teilnehmerinnen der ersten Fachtagung der ZWST sprachen über ihre Themen und Motivation.

Teilnehmerinnen der ersten Fachtagung der ZWST sprachen über ihre Themen und Motivation.
★ Teilnehmerinnen der ersten Fachtagung der ZWST sprachen über ihre Themen und Motivation.
★ Teilnehmerinnen der ersten Fachtagung der ZWST sprachen über ihre Themen und Motivation.

Radii детей

FRANKFURT ЦБООГ провела конференцию для сотрудников еврейских детских садов

АНЯ БАУМГАРТ-ПИЧ

Как вы работаете с разновозрастными группами? «Что вы делали во время пандемии коронавируса? Наш музыкальный педагог регулярно рассылала всем видеоролики». «У вас есть воспитатели-мужчины?» Эти и многие другие вопросы активно обсуждались за обеденным столом в Еврейской общине Франкфурта-на-Майне.

В этот январский понедельник около 60 сотрудников еврейских детских садов, в большинстве своём женщины, приехали во Франкфурт на первый курс повышения квалификации, организованной Центральной благотворительной организацией евреев в Германии (ЦБООГ).

«Раньше мы проводили два ежегодных курса повышения квалификации для педагогического персонала в Бад-Зобернхайме, – рассказывает Анастасия Квензель из отдела ЦБООГ по работе с детьми, молодёжью и семьями, которая отвечает за данную программу. Теперь было принято решение поставить дело на ещё более профессиональную основу и провести конференцию во Франкфурте. По словам Квензель, отклики участников внушают оптимизм. «Мы хотели бы сделать это мероприятие ежегодным», – говорит она.

ЦЕЛЕВАЯ ГРУППА Конференция рассчитана на педагогический персонал еврейских учреждений. «Для этой целевой группы существует множество различных курсов повышения квалификации, однако программы с еврейским контекстом и еврейскими темами отсутствуют. Мы и прежде организовывали подобные курсы. Кроме того, это даёт участникам возможность обменяться опытом. Лишь в очень немногих городах имеется более одного еврейского учреждения, что затрудняет обмен опытом», – рассказывает Квензель. В течение двух дней конференции участникам предоставляется множество возможностей для налаживания неформальных контактов.

Кроме того, участники получают большое количество профессиональной информации, касающейся как специфически еврейских тем, так и общих педагогических вопросов. Директор ЦБООГ Арон Шустер рад большому интересу со стороны педагогических работников из в общей сложности 12 еврейских учреждений, расположенных в разных уголках Германии, начиная с Гамбурга и кончая Штутгартом. «Мы видим, что потребность в таком мероприятии и интерес к нему очень велики», – говорит он, обращаясь к аудитории.

По словам Шустера, детские сады выполняют не только образовательную функцию, но и заботятся, например, об укреплении здоровья, защите ребёнка и формировании идентичности. Поэтому требования к квалификации персонала постоянно повышаются. «Во время пандемии коронавируса мы постоянно говорили о системной значимости детских садов, в основном имея в виду, что они дают

родителям возможность работать. Однако их образовательная работа также имеет системное значение», – говорит Шустер. Еврейские детские сады могут способствовать созданию фундамента для дальнейшего существования еврейских общин. Отрадно, что в последние годы возникло множество новых еврейских детских садов. «Поэтому данный вопрос имеет огромное значение для будущего общин», – заключает Шустер.

С первым докладом выступает специалист по правам ребёнка, уполномоченная земли Гессен по правам детей и молодёжи Мириам Целеке. Она рассказывает, что в Германии Конвенция ООН о правах ребёнка вступила в силу в 1992 году. В ней закреплён целый ряд прав, например, право на здравоохранение, защиту от жестокого обращения, медицинское обслуживание, отдых и досуг, а также право на политическое участие и на выражение своего мнения. Многие не знакомы с этим правовым документом. При этом сотрудники детских садов обязаны учитывать его в своей повседневной деятельности, в том числе и в соответствии с Социальным кодексом ФРГ.

«Укреплять детей значит укреплять общество», – говорит Целеке и удостоивается аплодисментов. – Мы должны дать им силу для саморефлексии». В подтверждение своих слов она цитирует Теодора Адорно: «Первым требованием для всякого обучения должно быть: Аушвиц не должен повториться».

СЕМИНАРЫ Специфически еврейской теме посвящён семинар основателя американской еврейской организации «GrowTorah», занимающейся экологическим образованием, Йосеф Джиллерс, который специально для этого приехал во Франкфурт. В США его организация устраивает семинары и каникулярные лагеря для школ и педагогических учреждений, в рамках которых дети учатся понимать, охранять и беречь окружающую среду. Джиллерс рассказывает, что пока ещё не представлял свою концепцию в Европе. С помощью конкретных отрывков из Торы он объясняет основные принципы своей программы: речь идёт о своего рода «еврейском образовании на открытом воздухе», о таких вещах, как энтузиазм, сопереживание и экологическая устойчивость, в основе которых лежат ценности, заключённые в Торе.

Другие семинары были посвящены таким темам, как «Учитывать собственные потребности» и «Простой язык». Франкфуртский раввин Юлиан-Хаим Суссан провёл семинар «Подарок еврейских тем детям из нерелигиозных семей», во время которого стены были украшены цветными картинками. Наверняка эта тема особенно актуальна в повседневной работе воспитателей, ведь, как говорилось на конференции, в большинстве еврейских детских садов есть дети разной религиозной принадлежности. То же самое можно сказать и о персонале. Не это ли пример многообразия в действии?

Die Vielsaitige

PORTRÄT *Lubov Selzer-Niederer kocht gern für viele Gäste und unterrichtet in der Musikschule*

Ich zögerte keine Sekunde. Als ich hörte, dass zwei Familien aus der Ukraine in Not sind und vorübergehend eine Unterkunft in Deutschland benötigten, bot ich ihnen das Haus an, in dem mein Mann, mein jüngster Sohn und ich lebe. Wir zogen aus und schafften Platz für die Kinder und Erwachsenen. Insgesamt 19 Leute fanden so ein Quartier. Wir hingegen kamen bei Verwandten unter. Meine beiden erwachsenen Kinder organisierten ein Hilfsnetz, schafften Lebensmittel und Matratzen heran. Nach zwei Monaten hatten die beiden Familien eine neue Bleibe gefunden, und wir konnten in unser Haus zurückziehen.

Die Wohnung, in der ich in Moskau aufgewachsen bin, war 22,3 Quadratmeter groß. Das war luxuriös, denn es war keine Kommunalka, bei der man sich immer eine Küche teilen musste. Wir hatten zwei Zimmer, in denen auch ein Klavier stand. Mein Vater, dessen Familie größtenteils während der Schoa umgebracht wurde, stammte nicht aus Moskau und bekam viel Besuch. Alle Wege führten nun zu uns. Etliche Gäste blieben auch über Nacht. Ein Platz zum Schlafen fand sich immer.

Bildung war damals für die jüdischen Familien eine Selbstverständlichkeit. Als kleines Mädchen besuchte ich die Musikschule. Dort bemerkte man, dass ich etwas mehr kann als andere, und so wurde ich dem Moskauer Gnessin-Konservatorium für musikalisch Hochbegabte vorgestellt. Ich war sieben Jahre alt, als ich die Aufnahmeprüfung bestand. Da hieß es dann, dass ich für die Geige gut wäre. Seitdem liebe ich die Violine.

ÜBEN Damals war ich allerdings nicht so begeistert davon, stundenlang üben zu müssen. Meine Mutter nahm sich eine berufliche Auszeit von sieben Jahren, um mich zu unterstützen. Richtig oder gar nicht, das war ihre Devise. Aber ich wurde überhaupt nicht gedrillt, es wurde mir alles ermöglicht. Ich hatte eine glückliche Kindheit.

Und bereits als Kind kochte ich gern – das tue ich immer noch, am liebsten für viele Gäste. Zweimal in der Woche konnte ich ein Konzert besuchen, ins Bolschoi-Theater oder in die Oper gehen. Obwohl wir im Zentrum Moskaus wohnten, hatte ich einen Schulweg von etwa einer Stunde. Wenn im Winter die Straßen nicht gestreut und infolgedessen glatt waren, war es immer eine Überraschung, ob der Bus kommt oder eben nicht. Das war für mich normal. Meine Geige hatte ich auch immer dabei.

GEIGE Meine erste war eine 1/8-Geige. Sie wurde in einer Möbelfabrik angefertigt und kostete damals neun Rubel. Die Instrumente, die in den Läden angeboten wurden, waren wegen ihrer schlechten Qualität nicht brauchbar. Auf dem Schwarzmarkt gab es halbwegs anständige für 25 Rubel. Das entsprach aber einem Viertel des Gehalts, das mein Vater als Patentanwalt verdiente. Noten gab es auch kaum. Deshalb schrieb meine Mutter sie netterweise oft mit der Hand ab. Im Büro meines Vaters gab es einen Kopierer, und so kopierte er einige Stücke für mich – obwohl es verboten war. Glücklicherweise wurde er nie erwischt.

Schließlich spielte ich Zakhar Bron vor, weil ich von dem Virtuosen weiter ausgebildet werden wollte. Er nahm nur ungerne Mädchen auf, eigent-

Ihr Instrument ist die Violine. Mit sieben Jahren bestand sie die Aufnahmeprüfung am Moskauer Gnessin-Konservatorium: 62-jährige Sclapka Lubov Zelytser-Niderer lebt in Oberboihingen.

Lubov Selzer-Niederer (62) aus Oberboihingen. In sieben Jahren bestand sie die Aufnahmeprüfung am Moskauer Gnessin-Konservatorium.

Fotos: privat

lich überhaupt niemanden. Um bei ihm studieren zu können, musste ich ins weit entfernte Nowosibirsk in Sibirien ziehen. So kam es, dass ich in Moskau alles stehen und liegen ließ und dorthin zog. Ich habe es nie bereut. Neun bis zehn Stunden am Tag übte ich Geige. Mein Leben war gut ausgefüllt. Psychologie, Pädagogik und Dirigieren studierte ich zusätzlich. Heimlich spielte ich im Orchester des Musiktheaters mit, denn Bron war strikt dagegen. Aber so konnte ich mir etwas dazuverdienen.

Nach dem Studium heiratete ich – mein Mann ist ebenfalls Musiker – und bekam zwei Kinder. Anfang 1991, da war ich 29 Jahre alt, nutzten wir eine Tournee, um uns nach Deutschland abzusetzen. Ich habe mich nie mit Russland identifiziert, genau genommen kenne ich den Staat nicht einmal. Denn als wir damals aufbrachen, verließ ich die Sowjetunion. Seitdem war ich nie wieder dort.

Da ich jüdische Vorfahren habe, konnten wir uns offiziell in Deutschland melden. Zuerst kamen wir privat in Berlin-Neukölln unter. Als mein Mann eine Anstellung hatte, zogen wir nach Zehlendorf. Meine Eltern sind uns vier Jahre später gefolgt.

ORCHESTER Mehrere Jahre spielte ich im Brandenburgischen Staatsorchester Frankfurt an der Oder, dann erhielt mein Mann ein lukratives Angebot in Stuttgart, und so kam es, dass wir Berlin nach zehn Jahren verließen. In Stuttgart kam auch mein jüngster Sohn auf die Welt. Seit 22 Jahren unterrichte ich an der Musikschule in Filderstadt, was ich sehr gern tue. Lange hatte ich nach einer solchen pädagogischen Stelle gesucht, hier fand ich sie. Nun agiere ich zusätzlich als Assistentin bei der Talentakademie, was für mich eine Bereicherung ist. Ich lerne dadurch sehr begabte junge Menschen kennen und verfolge ihre Entwicklung.

Da ich so beschäftigt bin, stehe ich früh auf, um alles zu schaffen. Ich habe keinen Nerv mehr, lang zu schlafen. Meine Eltern sind uns wieder nachgezogen, meine Tochter lebt mit ihrer Familie in der Nähe und mein Sohn in München. Wir besuchen uns oft und gern. Und an unsere 22,3 Quadratmeter große Wohnung in Moskau denke ich gern als ein kuscheliges Nest zurück.

■ Aufgezeichnet von Christine Schmitt

Многострунная

ПОРТРЕТ *Любовь Зельцер-Нидерер любит готовить и преподаёт в музыкальной школе*

лась целый час. Если зимой не посыпали дороги и было скользко, мы никогда не знали, придёт автобус или нет. Меня это не удивляло. Скрипка всегда была при мне.

Моя первая скрипка была размера 1/8. Она была сделана на мебельной фабрике и стоила 9 рублей. В то время скрипки, которые продавались в магазинах, были очень плохого качества и ни на что не годились. Неплохой инструмент можно было приобрести на чёрном рынке рублей за 25. Но это соответствовало четверти зарплаты, которую получал мой отец как патентный поверенный. Ноги тоже трудно было достать, поэтому мама часто переписывала их от руки. У отца на работе был ксерокс, и иногда ему удавалось скопировать для меня несколько произведений. Это было запрещено. К счастью, он ни разу не попался.

Потом я пришла на прослушивание к виртуозу Захару Брону, надеясь продолжить обучение у него. Чтобы поступить в его класс, мне надо было перебраться в далёкий Новосибирск, поэтому я, бросив всё, отправилась туда и ни разу об этом не пожалела. Я занималась на скрипке по 9–10 часов в день. Моя жизнь была насыщенной. Кроме скрипки, я изучала психологию, педагогику и дирижёрское искусство. В оркестре музыкального театра я играла тайком, потому что Брон крайне не приветствовал такое. Но так я могла подрабатывать.

Закончив учёбу, я вышла замуж и родила двоих детей. Мой муж – тоже музыкант. В начале 1991 года, когда мне было 29 лет, мы воспользовались гастрольями, чтобы переехать в Германию. Тесной связи с Россией я никогда не ощущала. По сути, я никогда не жила в этой стране. Когда мы уезжали, это был Советский Союз. С тех пор я туда не возвращалась. Поскольку у меня еврейские корни, мы могли официально зарегистрироваться в Германии. Сначала мы нашли частное жильё в берлинском районе Нойкёлльн. Потом муж устроился на постоянную работу и мы переехали в Целендорф. Мои родители эмигрировали четыре года спустя.

ОРКЕСТР Несколько лет я играла в Brandenburgском государственном оркестре Франкфурта-на-Одере, потом муж предложил хорошее место в Штутгарте. Прожив 10 лет в Берлине, мы покинули этот город. В Штутгарте родился мой младший сын. Уже 22 года я с огромным удовольствием преподаю в музыкальной школе Фильдерштадта. Я долго искала такую работу. Кроме того, я занимаю должность ассистента в «Академии талантов», и это обогащает мою трудовую жизнь. Так я знакомлюсь с очень талантливыми молодыми музыкантами и могу проследить, как они развиваются.

Я очень занятой человек, поэтому встаю рано. Долго спать мне некогда. Родители и в этот раз последовали за нами, дочь с семьёй тоже живёт поблизости, а сын – в Мюнхене. Мы часто навещаем друг друга. А о нашей маленькой московской квартирке я люблю вспоминать как об уютном гнезде.

■ Записала Кристина Шумт

Я не колебалась ни секунды. Когда я узнала, что две украинские семьи нуждаются во временном жилье в Германии, я предложила им дом, в котором я живу вместе с мужем и младшим сыном. Мы на время переехали к родственникам, освободив место для 19 человек, детей и взрослых. Мои взрослые дети организовали сеть поддержки, привезли матрасы и продукты питания. Через два месяца обе семьи нашли себе постоянное жильё, и мы смогли вернуться в свой дом.

Московская квартира, в которой я выросла, имела площадь 22,3 квадратных метра, что считалось роскошью, ведь это была не коммуналка, в которой приходилось бы делить кухню с другими людьми. У нас было две комнаты, в одной из них даже стояло пианино. Отец, потерявший почти всю семью в Холокосте, родом не из Москвы. К нему часто приезжали гости. Казалось, все дороги ведут к нам. Некоторые из гостей оставались на ночь. У нас всегда находилось место.

В то время в еврейских семьях было принято давать детям образование. С раннего детства я посещала музыкальную школу. Там отметили мои незаурядные способности и отправили меня на вступительный экзамен в московский Институт имени Гнесиных для музыкально одарённых. Когда я туда поступила, мне было семь лет. Мне сказали, что я гождусь для скрипки. С тех пор я полюбила скрипку.

ЗАНЯТИЯ Заниматься по несколько часов в день мне тогда, конечно, совсем не хотелось. Мама на семь лет перестала работать, чтобы поддерживать меня. Она всегда считала, что всё нужно делать правильно, либо не делать вообще. Но меня никто ни к чему не принуждал, мне просто предоставляли все возможности. У меня было счастливое детство.

Готовить я тоже полюбила с детства и люблю до сих пор, особенно для большого количества гостей. Два раза в неделю я ходила на концерт, в Большой театр или в оперу. Мы жили в центре Москвы, но в школу я добиралась

»Sej a Mensch!«

GEDENKEN Marcel Reif sprach am 27. Januar neben Eva Szepesi im Deutschen Bundestag. Seine Rede in Auszügen

MARCEL REIF

Manches, was ich nach dem 7. Oktober, nach dem Hamas-Massaker an Israelis, auf Deutschlands Straßen und Plätzen hören und sehen musste, hat mich entsetzt! Aber – was da zuletzt zu hören und zu sehen war – die großen Demonstrationen der Aufrechten: Das macht mir Hoffnung!

Sie, Frau Szepesi, sprechen, und mögen Sie das noch lange tun! Mein Vater hat geschwiegen, und ich will und werde jetzt nicht für ihn sprechen. Aber ich kann und darf über ihn sprechen. Und ich möchte ihm hier und heute Danke sagen für sein lebenslanges Schweigen, weil ich es zu seinen Lebzeiten versäumt habe!

Als sich Anfang der 50er-Jahre in Polen, wo wir lebten, wieder antisemitische Strömungen breit-zumachen drohten, beschlossen meine Eltern, vor allem mein Vater: Einmal ist genug! Er hatte den Holocaust überlebt, die meisten aus seiner Familie nicht. Über den nicht tragfähigen Umweg Israel zog die Familie nach Deutschland, in das Land der Täter.

Das Land der Täter – aber hier waren Freunde, waren Verwandte, die helfen konnten. Hier fanden wir ein Dach über dem Kopf, hier fand mein Vater Arbeit, um die Familie durchzubringen. Das neue, andere Deutschland bot ihm jetzt eine zweite Chance: anständiges, würdevolles Leben. Und hier wuchsen meine Schwester und ich auf – eine fröhliche, sorgenfreie, liebevolle Kindheit und Jugend.

WAHRHEIT Fröhlich und sorgenfrei nicht zuletzt – das weiß ich heute –, weil mein Vater schwieg. Kein Wort über all das, was er erlebt, überlebt hatte. Er sprach nicht, und ich fragte nicht. Ich würde gern behaupten: weil es seine Entscheidung war und ich sie respektiert habe. Vielleicht, auch. Aber vor allem war es meine Angst. Angst, Unsagbares hören, Unfassbares erfassen und Unerträgliches ertragen zu müssen: Bilder des Grauens, was man meinem großen, starken Vater angetan hatte. Die Wahrheit war doch eindeutig genug. Ich hatte keine Großeltern. Ein Onkel, eine Tante, eine Cousine waren geblieben, die anderen: ermordet.

Jahre nach Vaters Tod war offenbar ein Schweigegelöbnis seiner Frau, unserer Mutter, abgelaufen. Ich wollte jetzt wissen – und sie durfte sprechen. Vater war ein liebevoller, ein guter Opa. Einmal die Woche kam ich mit meinem kleinen Sohn zu Besuch. Es waren wunderbare Stunden. Nur manchmal verfiel er kurz in eine Depression, wurde für ein paar Minuten unerreikbaar. Ich fand das angesichts seines kleinen Enkels unangemessen und war einmal drauf und dran, mich dazu zu versteigen, ihn dafür tadeln zu wollen. Da fuhr meine Mutter dazwischen. Sie machte so eine Handbewegung und sagte: »Du weißt ja gar nichts!«

Zum Glück habe ich reagiert auf dieses Durchparieren und meinen Mund gehalten. Weil ich zwar nicht wusste, aber offenbar sehr wohl ahnte: Da ist etwas, viel zu groß, viel zu furchtbar. Mutter erzählte, wie eine Gruppe Juden mit meinem Vater auf der Flucht einen kleinen Jungen – ungefähr so

alt wie sein Enkel – bei polnischen Bauern zurückließ, um überhaupt eine Chance zu haben. Nach der Befreiung wollten sie den Jungen wieder abholen. »Es tut uns leid. Die Deutschen kamen, und da mussten wir das Kind die Klippe runterwerfen.« Und Mutter sagte: »Und weißt du, manchmal, wenn du mit deinem Sohn bei uns warst, hatte er auch diesen Jungen vor Augen.«

Hätte ich ihn fragen sollen, fragen müssen: Warum? Wäre es richtiger gewesen, besser, leichter für ihn und für mich? Ich weiß es nicht. Aber eines weiß ich genau: Ich bin der Letzte, dem es zusteht, darüber zu urteilen! Im Nachhinein sowieso.

Viel zu gern hatte ich als Kind und junger Mann diesen warmen, kuscheligen Mantel seines Schweigens angenommen, mich darin eingerichtet mit den Sorgen und Problemen eines Nachkriegs-Wirtschaftswunder-Sprösslings: die Latein-Note, Modell und Farbe des ersten Autos, die Fußballer-Karriere – Gegenwart nur und rosige Zukunft.

Die Vergangenheit habe ich erst 50 Jahre später wirklich angenommen in den Gesprächen mit meiner Mutter. Wobei – Gespräche? Drei Tage haben wir uns damals hingesezt, sie hat erzählt, wir haben viel gelacht und noch mehr geweint. Und sie hat am Ende bestätigt, besiegelt, was mein Vater gewollt und geschafft hatte, nämlich: Es durfte nicht sein, dass auch noch seine Kinder von den furchtbaren Schatten heimgesucht, gequält wurden, die seine Kindheit und Jugend verdunkelt, zerstört hatten.

Wir sollten, wir durften nicht in jedem Postboten, Bäcker, Straßenbahnfahrer, Lehrer einen möglichen Mörder unserer Großeltern vermuten. Eine behütete, unbelastete, unbeschwerte Kindheit sollte es sein, musste es sein. Er wollte diesen verschlossenen Raum in unserem Lebenshaus auch nicht mal einen Spalt breit öffnen – auch nicht für die »guten Geister«, die da ja ebenfalls wohnten.

So hatte ihn der spätere Krupp-Manager Berthold Beitz aus einem Todeszug Richtung Vernichtungslager geholt und ihm so das Leben gerettet. Ohne Beitz würde ich heute nicht hier stehen. Und vor ein paar Jahren sprach mich ein Mann hier in Berlin auf der Straße an, ob ich ein paar Minuten hätte, er wolle mir etwas über meinen Vater erzählen. Auf der Flucht durch die Wälder hatte Vater ihn, den Vierjährigen, auf den Schultern getragen und ihm so das Leben gerettet. Das alles weiß ich heute.

MENSCHLICHKEIT Und noch etwas habe ich endlich – viel zu spät! – erkannt, begriffen, und das ist, was zählt: Ich erinnere mich nicht an den Anlass und nicht an den Zeitpunkt, aber mir wurde irgendwann beinahe schlagartig klar, dass mein Vater ja doch gesprochen hatte und mir das gesagt und mitgegeben hatte, was ihm wichtig war; was er gerettet, was er als Essenz destilliert hatte aus dem Unmenschlichen der Häscher und Mörder, aus dem Übermenschlichen eines so mutigen Berthold Beitz; aus dem, was er selbst geleistet hatte mit dem kleinen Jungen, der seine eigene Menschlichkeit abgefragt hatte. All das hat er in einen kleinen Satz gepackt.

»Ich bin stolz, dass ich meinen Söhnen das Vermächtnis ihres Großvaters habe weitergeben können.« Marcel Reif (74) 74-jähriger Marcell Reif: »Я горжусь тем, что мне

удалось передать своим сыновьям это наследие их деда.»

MARCELL REIF

Кое-что из того, что мне пришлось увидеть und услышать на улицах und площадях немецких городов после 7 октября, после резни израильтян, устроенной ХАМАС, повергло меня in ужас! Однако то, что я увидел und услышал in последние дни, массовые демонстрации добропорядочных граждан, вселяет in меня надежду!

Вы, госпожа Сепеши, рассказываете о пережитом Вами, и я желаю Вам, чтобы Вы ещё долго продолжали делать это. Мой отец ничего не рассказывал, и я не хочу и не буду говорить за него. Но я могу и имею право говорить о нём. И мне хотелось бы здесь und сейчас сказать ему спасибо за его пожизненное молчание, потому что при его жизни я не успел сделать это!

Когда in начале 50-х годов in Польше, где мы жили, снова начал поднимать голову антисемитизм, мои родители, и in первую очередь отец, решили, что одного раза достаточно. Он пережил Холокост, в отличие от большинства своих близких. Сначала наша семья эмигрировала in Израиль, однако там не сложилось, и

Photo: REUTERS

«Зай а менч!»

ПАМЯТЬ 27 января Марсель Райф выступил в Бундестаге наряду с Эвой Сепеши. Ниже приводятся выдержки из его речи

мы переехали in Германию, страну нацистских преступников. Да, это была страна нацистских преступников, но здесь жили наши друзья и родственники, которые могли нам помочь. Здесь мы обрели крышу над головой, здесь отец нашёл работу, чтобы прокормить семью. Новая, другая Германия дала ему второй шанс: возможность вести достойную, обеспеченную жизнь. Здесь выросли я и моя сестра. Наше детство и юность прошли in атмосфере радости, любви и безмятежности.

ПРАВДА Эти радость и безмятежность во многом были результатом отцовского молчания. Он ни разу не обмолвился о том, что ему пришлось пережить. Он не рассказывал, а я не спрашивал. Мне бы хотелось верить, что я не задавал вопросов, потому что отец так решил и я уважал его решение. Возможно, отчасти так и было. Однако прежде всего это был мой страх, страх услышать то, о чём невозможно говорить, постичь непостижимое и перенести непереносимое: ужасные образы того, что сделали с моим большим, сильным отцом. В конце концов, правда была и так очевидна. У меня не было бабушек und дедушек. Дядя, тётя, двоюродная сестра – вот и всё, остальных убили.

Спустя годы после смерти отца обет молчания, который, по-видимому, дала моя мать, истёк. Теперь я хотел знать, а она могла говорить. Отец был хорошим, любящим дедушкой. Раз in неделю я навещал его вместе со своим маленьким сынишкой. Мы прекрасно проводили время. Лишь иногда он ненадолго впадал in депрессию, на несколько минут замыкался в себе. Такое поведение in присутствии маленького внука казалось мне неправильным, и один раз я даже чуть не упрекнул его за это. Тогда вмешалась моя мать. Она сделала движенье рукой и сказала: »Ты ничего не знаешь!«

К счастью, это возымело эффект, и я ничего не сказал, потому что я всё-таки догадывался, что там что-то есть, что-то слишком большое, слишком ужасное. Мама рассказала, что во время бегства группа евреев, в которой был мой отец, оставила у польских крестьян маленького мальчика примерно такого же возраста, как его внук, чтобы иметь хоть какой-то шанс спастись. После освобождения они хотели забрать мальчика und услышали: »Сожалею. Пришли немцы, и нам пришлось сбросить ребёнка с обрыва«. Мама сказала: »Знаешь, иногда, когда вы с сыном бывали у нас, у него перед глазами стоял образ этого мальчика.«

Должен ли я был спросить у него: почему? Было бы это правильнее, лучше, легче для него и для меня? Не знаю. Одно я знаю точно: я последний человек, которому пристало судить об этом! А уж тем более задним числом.

В детстве и молодости я с радостью принимал этот тёплый, мягкий плащ его молчания, уютно кутался в него, погружённый в проблемы и заботы человека, родившегося после войны и росшего в годы экономического чуда: оценка по латыни, модель и цвет первого ав-

томобиля, футбольная карьера – всё это касалось лишь настоящего и радужного будущего.

Лишь спустя 50 лет в беседах с матерью я действительно смог принять прошлое. Впрочем, что значит беседа? Мы просидели три дня, она рассказывала, мы смеялись und ещё больше плакали. И в конце она подтвердила, что отец не хотел допустить того, чтобы его детей преследовали und мучили те ужасные тени, которые омрачили und разрушили его детство und юность.

Отец не хотел, чтобы в каждом почтальоне, булочнике, водителе трамвая, учителе мы видели возможного убийцу наших бабушек und дедушек. Он считал, что наше детство должно, обязано было быть благополучным, беззаботным und безмятежным, и не желал даже самую малость приоткрыть дверь в эту запертую комнату in доме нашей жизни – несмотря на то что там обитали и »добрые тени.«

Так, Бертольд Байц, который позже стал менеджером концерна »Крупп«, вытащил отца из поезда, направлявшегося в лагерь смерти, и тем самым спас ему жизнь. Если бы не Байц, я бы сегодня здесь не стоял. А несколько лет назад здесь, in Берлине, ко мне на улице подошёл мужчина и спросил, не найдётся ли у меня пары минут, чтобы поговорить о моём отце. Он рассказал, что во время бегства через леса отец нёс его, четырёхлетнего мальчика, на своих плечах und таким образом спас ему жизнь.

ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ Я также, наконец-то, узнал, понял, пусть и слишком поздно, ещё одну важную вещь. В какой-то момент я внезапно осознал, что отец всё-таки рассказал und передал мне то, что было для него важно, что он сохранил, извлёк из бесчеловечного поведения преследователей und убийц, сверхчеловеческого мужества таких людей, как Бертольд Байц, из своего собственного поступка, когда он, спасая маленького мальчика, сдал экзамен на человечность. Всё это он уместил in одну короткую фразу.

С каждым днём я всё чаще вспоминаю о том, как часто он дарил мне эти слова. Иногда это был призыв, иногда – предостережение, иногда – совет или упрек. Всего три слова на согревающем душу идише, по которому я так скучаю: »Зай а менч!« – »Будь человеком!«

За твоё молчание, за твою жизнерадостность вопреки всему, за твою неизменяющую способность дарить столько любви und заботы и за слова »Зай а менч!« – за всё это я говорю: спасибо, папа! И я горжусь тем, что мне, очевидно, удалось передать своим сыновьям und внукам это наследие их деда und прадеда.

И если вы позволите und пожелаете, именно сегодня, по этому случаю, и именно здесь, в германском парламенте, то я оставлю вам эту короткую, но в то же время такую великолепную, чудесную фразу, которую произнёс мой отец Леон Райф, я оставлю вам эту самую фразу: »Зай а менч!« – »Будь человеком!«

Автор – футбольный комментатор. Родился в городе Валбжих в Польше.

»Die Seele berühren«

INTERVIEW Der Klarinettenist Giora Feidman über Freundschaft, Frieden und Musik als Religion

Herr Feidman, im Laufe Ihrer langen Karriere – wir sprechen von einem Dreivierteljahrhundert – sind Sie auf fast allen großen Bühnen der Welt aufgetreten. Wo spielen Sie am liebsten? Ich liebe es sehr, in Kirchen zu spielen. Aber natürlich gibt es auch andere Orte, die einem in Erinnerung bleiben, weil sie so besonders sind.

1936 wurden Sie in Buenos Aires geboren, seit Ihrem 21. Lebensjahr, also seit 1956, leben Sie in Israel, wo sich seit dem 7. Oktober alles verändert hat. Welche Mittel bleiben einem Musiker, um darauf zu reagieren?

Die »Friendship Tour« war unsere Antwort auf den Krieg in Israel, auf die aktuellen Geschehnisse, auf den Hass, der sich zunehmend in der ganzen Welt verbreitet. Aber sie war auch unsere Antwort auf den Krieg in der Ukraine. Dabei fing alles eher durch einen Zufall an.

Wie sind Sie ursprünglich auf die Idee einer »Friendship Tour« gekommen?

Die Idee dazu entstand während der Covid-Pandemie, und zwar vor Ausbruch des Krieges in der Ukraine. Unser Wunsch war es, ein Projekt besonders für die Menschen zu machen, die während der Pandemie einsam oder verzweifelt waren.

Ist das Konzept ebenfalls in Zusammenarbeit mit Ihrem Komponisten, Manager und Freund Majid Montazer entstanden?

Ja, genau. Wir arbeiten schon seit rund vier Jahren sehr eng zusammen. Und als das Konzept endlich stand, wurden wir von den aktuellen Ereignissen eingeholt. Niemand hatte mit einem Krieg in der Ukraine gerechnet. Die »Friendship Tour« entwickelte sich dann aber schnell zu einem musikalischen Protest, der die Freundschaft zwischen den Völkern in den Vordergrund rücken sollte. Wir spielen also für den Frieden.

Kann Freundschaft ebenso wie der Frieden nicht ein sehr fragiles Konzept sein?

Freundschaft ist auf jeden Fall keine Selbstverständlichkeit, aber nichts im Leben ist eine Selbstverständlichkeit. Trotzdem bin ich davon überzeugt, dass es keine Kriege geben kann, wenn Menschen miteinander Freundschaften schließen, so unterschiedlich sie auch sein mögen. Die Freundschaft ist ein hohes Gut.

Wie sollte die musikalische Message der »Tour der Freundschaft« lauten?

Freundschaft bedeutet zunächst einmal Glück und Zufriedenheit. Und sie schenkt uns ganz viel positive Energie. Mithilfe von Freundschaft lassen sich Grenzen überwinden, im Idealfall sogar irgendwann einmal Kriege. Als Menschen sind wir alle Mitglieder einer großen Familie, das soll unsere musikalische Message sein. Dafür gehe ich auf die Bühne. Dabei spiele ich vor den Menschen, aber vor allem für sie. Ich lasse mich trotz aller Geschehnisse nicht vom Glauben an das Gute abbringen, an den Frieden.

Im Laufe Ihres Musikerlebens haben Sie über 60 Alben veröffentlicht und weltweit Erfolge gefeiert.

Auch im Alter von bald 88 Jahren denkt Giora Feidman noch lange nicht ans Aufhören.

★ Гiore Фейдману 88 лет, но он вовсе не собирается уходить на покой.

ert. Liegt das daran, dass die Klezmer-Musik universell ist, eine Art »musikalisches Esperanto«? Klezmer ist zunächst einmal eine instrumentale Festmusik mit einer »Stimme«, die überall verstanden wird. Für mich persönlich gibt es nur eine Religion, und das ist die Musik. Ich versuche, das an einem Beispiel zu erklären: Ein Baby beherrscht noch keine Sprache, versteht nicht die Worte, aber es fühlt die Musik. Kinder beginnen zu singen, bevor sie überhaupt sprechen können. Deshalb bin ich so davon überzeugt, dass Musik, insbesondere die Klezmer-Musik, eine Sprache ist, die die Menschen überall auf der Welt zusammenbringen kann.

Die Klezmer-Tradition führen Sie bereits in vierter Generation fort. Ist es mit bald 88 Jahren nicht anstrengend, auf Tournee zu gehen? Ganz im Gegenteil, egal, ob ich 16 Stunden im Studio bin oder auf der Bühne stehe – die Musik gibt mir Energie. Ich empfinde das überhaupt nicht als Arbeit. Mit der Klarinette berühre ich die Seele von so vielen Menschen, und ich be-

trachte es nun einmal als meine Bestimmung, für den Frieden zu spielen. Es macht mich glücklich, andere Menschen ebenfalls glücklich zu machen. Vor allem halte ich es für wichtig, gerade in Zeiten wie diesen, in denen man eine Entfesselung des Hasses beobachten kann, die Botschaft des Miteinanders zu verkünden.

Braucht es nicht dennoch viel Kraft und Disziplin, in zwei Jahren über 250 Konzerte zu spielen?

Wissen Sie, mein Vater war ein wunderbarer Lehrer. Er brachte mir die Klarinette nahe, indem er sie einmal wie zufällig auf dem Tisch vergaß. Ich spielte schon sehr früh mit ihm. Und eines hat er mir dabei immer vermittelt: »Du bist ein Diener der Gesellschaft.« Als solcher betrachte ich mich auch. Und wenn es mir gelingt, durch meine Musik Menschen zu berühren und sie dazu zu bewegen, für den Frieden einzustehen, dann ist mir auch in meinem Alter kein Auftritt zu anstrengend und kein Ort zu weit.

★ Mit dem Musiker sprach Alicia Rust.

Прикоснуться к душе

ИНТЕРВЬЮ Кларнетист Гиора Фейдман о дружбе, мире и музыке как религии

За годы Вашей долгой карьеры – речь идёт о трёх четвертях века! – Вы выступали практически на всех известных сценах мира. Где Вам больше всего нравится играть? Я обожаю играть в церквях. Но есть, разумеется, и другие необыкновенные, незабываемые места.

Вы родились в 1936 году в Буэнос-Айресе и в 21 год, то есть в 1956 году, переехали в Израиль. Там после 7 октября всё изменилось. Как музыканты могут отреагировать на такие события? Наш тур »Дружба« был ответом на войну в Израиле, на актуальные события, на ненависть, которая продолжает разрастаться по всему миру. Но это также был наш ответ на войну в Украине. При этом всё началось случайно.

Как возникла идея тура »Дружба«?

Сама идея пришла к нам во время пандемии коронавируса, ещё до начала войны в Украине. Нами руководило желание создать проект специально для тех, кто в это время особенно страдал от одиночества и отчаяния.

Эта концепция тоже была разработана в сотрудничестве с Вашим композитором, менеджером и другом Маджидом Монтазером?

Именно так. Мы тесно сотрудничаем уже около четырёх лет. Когда наша концепция наконец была готова, нас захлестнули новые события. Война в Украине для всех была неожиданностью. Наш тур быстро обрёл характер музыкального протеста, напоминающего о важности дружбы между народами. Мы играем за мир.

Дружба бывает столь же хрупкой, как и мир, не так ли?

В любом случае дружбу, как и другие дары жизни, нельзя воспринимать как нечто само собой разумеющееся. Я уверен, что в мире не будет войн, если люди будут дружить, несмотря на существующие между ними различия. Дружба – это наивысшая ценность.

Какое музыкальное послание несёт людям Ваш тур »Дружба«?

Дружба – это источник счастья и радости. Она дарит нам положительную энергию, помогает преодолеть границы, а в идеале когда-нибудь даже войны. Все мы – люди, члены одной большой семьи. В этом и состоит наше музыкальное послание. Ради этого я выхожу на сцену. Я выступаю перед людьми, но главным образом для людей. Несмотря на всё то, что творится вокруг, я никогда не разуверюсь в добре и мире.

За годы Вашей музыкальной карьеры Вы выпустили более 60 альбомов и добились всемирного успеха. Связано ли это и с тем, что клезмерская музыка столь универсальна, что это своего рода »музыкальное эсперанто«? Клезмерская музыка возникла как инструментальная музыка, предназначенная для исполнения на праздниках. Её »голос« понятен всем и всюду. Лично для меня существует лишь одна религия – музыка. Новорожденные, например, ещё не владеют языком, ещё не понимают слов, но уже чувствуют музыку. Дети начинают петь гораздо раньше, чем начинают говорить. Поэтому я так уверен в том, что музыка, а особенно клезмерская, может объединить людей по всему миру.

Вы продолжаете семейную традицию клезмеров уже в четвёртом поколении. Гастроли-

ровать в 88 лет, наверное, довольно утомительно?

Совсем наоборот. Нахожусь ли я по 16 часов в студии или выступаю на сцене – музыка заряжает меня энергией. Я не воспринимаю это как работу. Кларнет позволяет мне прикоснуться к душам стольких слушателей, и я считаю своим призванием играть за мир. Я счастлив, если могу сделать счастливыми других людей. В наши времена, когда повсюду растёт ненависть, я считаю самым главным выступать за идею единства и мирного сосуществования.

Но для того чтобы дать 250 концертов за два года, наверняка требуется очень много сил и дисциплины?

Знаете, мой отец был замечательным учителем. Чтобы пробудить мой интерес к кларнету, он однажды просто »забыл« свой инструмент на столе. Я был ещё совсем юным, когда мы стали играть вместе. Он неустанно внушал мне, что музыкант служит обществу. Я полностью с этим согласен. Если мне удаётся тронуть людей своей музыкой и побудить их встать на защиту мира, я, невзирая на свой возраст, ради этого не пожалею ни времени, ни сил.

★ С музыкантом беседовала Алисия Руст.

Гiора Фейдман с композитором Маджидом Монтазером (справа)

★ Гiора Фейдман с композитором Маджидом Монтазером (справа)

IMPRESSUM

JÜDISCHE ALLGEMEINE

Herausgeber: Zentralrat der Juden in Deutschland K.d.ö.R.
Geschäftsführer: RA Daniel Botmann
Chefredakteur: Philipp Peyman Engel
Redaktion: »Jüdische Allgemeine kompakt«: Bettina Piper, Evgeni Tsynman
Artdirector: Marco Limberg
Bildquellen: dpa, Getty, Imago, Reuters, Flash 90
Druck: BV Berliner Zeitungsdruck GmbH

Redaktion: Johannstraße 5, 10117 Berlin, Postanschrift: 10062 Berlin, Postfach 04 03 69, Telefon 030 / 275 833 0, Fax 030 / 275 833 199, E-Mail: kompakt@juedische-allgemeine.de
Anzeigenverkauf: Medienservice Ute Beyer, Einhornstraße 18, 12057 Berlin, Telefon 030 / 69 59 92 07, Fax 030 / 69 59 93 06, E-Mail: info@ubmedienservice.de
Datenschutzbeauftragter: Mario Arndt, DEUDAT GmbH, Zehntenhofstraße 5b, 65201 Wiesbaden, Telefon: 0611 / 950 008 32, Fax: 0611 / 950 008 5932, E-Mail: kontakt@deudat.de, VKZ 61642 ISSN 2749-778X

Hinter der Maske

FEIERTAG An Purim soll das Verborgene enthüllt und der wahre Kern gezeigt werden

YISROEL JUSKOWITZ

An Purim verkleiden wir uns mit Masken und Kostümen. Hinter diesem scheinbar oberflächlichen Brauch verbirgt sich eine tiefere Bedeutung. An Purim erinnern wir uns daran, dass in der Welt nichts so ist, wie es scheint. Die wahre Welt liegt hinter all der Oberflächlichkeit. Tatsächlich bedeuten die Worte der Megillat Esther, der Schriftrolle Esther, auch, das Verborgene (haster auf Hebräisch) zu enthüllen (megaleh). In der Purimgeschichte wird die Maske abgezogen und das Verborgene enthüllt.

Viele der Hauptfiguren in der Esther-Geschichte tragen Masken und geben nicht zu erkennen, wer sie wirklich sind oder was ihre wahren Beweggründe sind. Haman erweckt den Anschein, nur das Beste für den König im Sinn zu haben, als er ihm rät, das jüdische Volk zu vernichten, und täuscht vor, die Juden seien eine Bedrohung für sein Reich, da sie ihren eigenen Gesetzen und Bräuchen folgten und nicht denen des übrigen Persien.

In Wirklichkeit wollte er die Juden aus seinen eigenen bösen, völkermörderischen Absichten heraus vernichten, denn er war ein Nachkomme von Amalek, dem alten biblischen Stamm, der am besten für die Vernichtung der Juden geeignet war.

Mordechai verrät nie, dass er ein Verwandter und Freund Esthers ist; er gibt stattdessen vor, ein einfacher Mensch zu sein, der zufällig das Leben des Königs gerettet hat. Es ist Esther, die dem König am Ende offenbart, dass Mordechai ihr lieber Verwandter ist.

Und natürlich trägt Esther selbst eine Maske; sie gibt sich als nichtjüdische Königin aus und verrät uns ihre jüdische Identität erst ganz am Ende der Purimgeschichte.

Und auch der Herr des Universums selbst trägt während der gesamten Geschichte eine Maske. Der Name Gottes wird in der Megilla nie erwähnt. In der Tat scheint die gesamte Purimgeschichte vollständig durch natürliche Ereignisse zustande zu kommen; es gibt keine offenen Wunder in der Geschichte.

Auch der Talmud spielt auf diesen Gedanken an, als er fragt: »Wo finden wir in der Tora einen Hinweis auf Esther?« In dem Vers »Anochi Aster, haster mipani«, was so viel bedeutet wie »Siehe, ich will mein Angesicht vor dir verbergen«. Der Name Esther kommt von dem hebräischen Wort Aster (verborgene). In der Tat ist Gott in der ganzen

Lesung der Megillat Esther in Katzrin, 2023

Чтение Мегиллат Эстер в Кацрине, 2023

Geschichte verborgen, und es liegt an uns, seine Hand zu sehen.

Das ist die schöne Ironie: Haman versucht, die Hand Gottes in allem zu leugnen, und genau in dieser Geschichte zeigt Gott, dass er tatsächlich die ganze Geschichte inszeniert! Wenn wir die Megillat Esther lesen, »enthüllen wir das Verborgene«, offenbaren wir Gottes lenkende Hand sogar in natürlichen Ereignissen.

Purim zeigt uns, dass die ganze Welt eine Maske ist. Die wahre Welt bleibt unter der Oberfläche. Im Leben tragen wir so oft Masken und haben Angst, unser wahres spirituelles Selbst zu zeigen. An Purim tragen wir also absichtlich die Maske, um sie

als das zu entlarven, was sie wirklich ist – nichts weiter als eine Fassade. Und wir trinken so viel, dass wir unsere innere spirituelle Freude offen zeigen können. Wir lesen die Megilla und sehen, wie die verborgene Hand Gottes ein für alle Mal enthüllt wird.

Der Talmud vergleicht unser Exil mit der »Nacht« und die Purimgeschichte mit der »Morgendämmerung«. Denn wenn die Morgendämmerung kommt, wird alles enthüllt, und was einst dunkel erschien, ist nun in schimmernden Glanz getaucht.

Abdruck mit freundlicher Genehmigung von aish.com

Unter allen unseren Feiertagen hat Purim die Besonderheit, dass sein Datum davon abhängt, ob man in einer von einer Mauer umgebenen Stadt lebt oder nicht. Diese Unterscheidung geht auf eine Passage in der Megillat Esther zurück: »Die Juden in Schuschan aber versammelten sich sowohl am 13. als auch am 14. Tag und ruhten daher am 15. Deshalb begehnen die Juden in den Dörfern, die in nicht ummauerten Städten wohnen, den 14. Tag des Monats Adar und machen ihn zu einem Tag der Freude und des Festes.« Die Geschichte unterscheidet zwischen Juden, die in der ummauerten Hauptstadt Schuschan lebten und zwei Tage lang

gegen ihre Feinde kämpften, und jenen, die in nicht ummauerten Städten lebten, wo nur ein Tag nötig war, um den Feind zu besiegen. Die Rabbiner beschlossen, dass wir diese Unterscheidung auch beim Gedenken an das Ereignis machen sollten. Wenn man also in einer Stadt lebt, die ummauert ist, wie es Schuschan war, wird Purim am 15. Adar gefeiert, ein Tag, der als »Schuschan Purim« bezeichnet wird. Diejenigen, die in nicht ummauerten Städten leben, feiern am 14. Adar, dem Tag, der »Purim« genannt wird. *Rabbiner Joel Berger*

Frag' Rabbi Berger Schuschan Purim

Всё не так, как кажется

ПРАЗДНИК На Purim срываются маски и скрытое становится явным

Purim zeigt uns, dass die ganze Welt eine Maske ist.

Purim учит нас, что весь мир – это маска.

ИСРОЭЛ ЮСКОВИЦ

На Purim мы надеваем маски и костюмы. В этом кажущемся поверхностным обычае кроется глубокий смысл. В Purim мы вспоминаем, что в мире всё не так, как кажется. Реальный мир лежит по ту сторону всей этой поверхностности. И действительно, слова Мегиллат Эстер, Книги Эсфири, означают также обнаруживать (древнеевр. мегале) скрытое (хастер). В истории Пурима маска срывается и скрытое становится явным.

Многие главные персонажи истории Эсфири носят маски и скрывают, кто они на самом

деле и каковы их истинные мотивы. Аман делал вид, что заботится лишь о благе царя, когда советует ему уничтожить еврейский народ, утверждая, что евреи представляют угрозу для царства, поскольку следуют своим собственным законам и обычаям, а не законам и обычаям Персии.

В действительности же он хотел погубить евреев, исходя из своих личных злобных, генцидальных побуждений, так как был потомком амалекитян, древнего племени, упоминаемого в Библии, которое лучше всего подходило для уничтожения евреев. Мордехай ни разу не признаётся в том, что приходится

Эсфири родственником и другом. Вместо этого он прикидывается обычным человеком, который случайно спас царю жизнь. Не Мордехай, а Эсфирь в конце рассказывает царю, что он её близкий родственник.

Разумеется, сама Эсфирь тоже носит маску. Она выступает в роли нееврейской царицы и раскрывает нам свою еврейскую идентичность лишь в самом конце повествования.

Однако и сам Царь Вселенной носит маску на протяжении всего повествования. Имя Господа ни разу не упоминается в Мегиллат Эстер. Кажется, что вся история Пурима представляет собой естественный ход событий, ведь в ней не происходит никаких явных чудес.

Талмуд тоже намекает на эту мысль, спрашивая: «Где в Торе мы находим указание на Эсфирь?» В стихе «Ве-анохи хастер астир паний» («А Я совершенно сокрою лик Мой»). Имя Эсфирь происходит от древнееврейского слова «хастер» («скрытый»). И действительно, во всей этой истории Бог остаётся сокрытым, и наша задача – увидеть в описываемых событиях его десницу.

Ирония в том, что Аман пытается отрицать десницу Божию во всём происходящем, в то время как именно в этой истории Бог показывает, что в действительности события разворачиваются по его сценарию. Читая Мегиллат Эстер, мы «раскрываем сокрытое», обнаруживаем направляющую десницу Божию даже в естественных событиях.

Purim учит нас, что весь мир – это маска. Истинный мир скрыт под поверхностью. В жизни мы очень часто носим маски и боимся показать своё подлинное духовное «я». Однако в Purim мы намеренно надеваем маску, чтобы показать, чем она является на самом деле: всего лишь фасадом. И мы выпиваем больше обычного, чтобы открыто проявлять нашу внутреннюю духовную радость. Мы читаем Мегиллат Эстер и видим, как перед нами раз и навсегда открывается скрытая десница Божия.

Талмуд сравнивает наше изгнание с ночью, а историю Пурима – с рассветом, ведь с наступлением рассвета всё становится явным, и то, что было погружено во мрак, предстаёт перед нами окутанным в мерцающее сияние.

Печатается с любезного разрешения aish.com

Спроси раввина Бергера Шушан Purim

В отличие от других наших праздников, дата празднования Пурима зависит от того, обнесён ли город, в котором мы находимся, стеной или нет. Объяснение этому мы находим в Книге Эсфири: «Иудеи же, которые в Шушане, собирались в тринадцатый и в четырнадцатый день его; а в пятнадцатый день его был покой. Поэтому иудеи, живущие в городах неукреплённых, делают четырнадцатый день месяца адара днём веселья и праздника». В этом отрывке проводится различие между евреями, которые жили в обнесённом стеной городе Шушан и в течение двух дней сражались со своими врагами, и теми, кто жил в неукреплённых поселениях, где для победы над врагом понадобился всего один день. Раввины постановили, что мы должны делать это различие, отмечая это событие. Поэтому в городах, обнесённых стеной, Purim празднуют 15 адара. Этот день называется Шушан Purim. В городах, которые не обнесены стеной, празднование происходит 14 адара. Этот день называется Purim. *Раввин Йозель Бергер*

War früher alles besser?

JÜDISCHER ALMANACH *Der neue Band beschäftigt sich mit Umbrüchen und Wandlungen*

Sicher ist, dass nichts sicher ist. Selbst das nicht.« Dieser Satz des Poeten Joachim Ringelnatz beschreibt das Wesen von Umbrüchen. Ebdieses Stichwort kürte Gisela Dachs, Journalistin und Professorin in Jerusalem, zum Leitthema für den neuen Jahrgang des Jüdischen Almanachs, den sie seit dem Jahr 2001 ediert.

Galili Shahaar, Inhaber des Marcel-Reich-Ranicki-Lehrstuhls für Vergleichende Literatur an der Universität Tel Aviv, wählt in seinem Auftaktessay den Umbruch literarisch-etymologisch als Einstieg, wenn er feststellt, dass strukturelle Transformationen, paradigmatische Verschiebungen und Wandlungen als »Bruch« wahrgenommen würden, als Trennung, als Unterbrechung. Oder, um es mit einem Fremdwort auszudrücken: als Krise. Von diesem eher wissenschaftlich-akademischen Essay sollte man vorwärtsspringen zu Vivianne Bergs Text »Erinnerungswerke« (Zürich)

über Memorialorte und Erinnerungskultur in der Stadt an der Limmat. Und von dort weiter zu Esther Orners 2010 publizierter, jetzt erstmals ins Deutsche übersetzter Prosavignette über Fragen »Wie weiterleben?«, »Wie existenziell-spirituell überleben?«. Einen anderen biografischen Umbruch zeichnet Jacqueline Hénard in einem feinen Porträt, einer Pionier-Arbeit, nach, und zwar das Leben des Architekten Ossip Klarwein. 1893 in Warschau geboren, emigrierte er 1934 mit der Familie nach Palästina und baute öffentliche und gewerbliche Gebäude, etwa das Rathaus in Nahariya oder das Fakultätsgebäude der Juristen auf dem Campus Givat Ram der Hebräischen Universität in Jerusalem. Am wichtigsten und unübersehbar: das israelische Parlament, die Knesset.

Andere Beiträge befassen sich mit Überleben und Erneuerung des deutschsprachigen Judentums im 19. Jahrhundert, mit Typografie und

Tradition, mit Demokratie und rassistischen Visionen, mit deutsch-jüdischen Intellektuellen. Der Autor Nitzan Lebovic stellt Martin Buber, Walter Benjamin und Hannah Arendt gewagt den Lyriker Paul Celan an die Seite. Außerdem geht es um antisemitische Verschwörungstheorien zu Pandemiezeiten, Sprachfragen und den Wandel der jüdischen Gemeinde im Iran seit 1940. Die Gedanken Anja Siegemunds, Direktorin der Stiftung Neue Synagoge Berlin, über »Alte Bündnisse, neue Verortungen und andere Umbrüche in der Erinnerungskultur«, überschrieben mit der nur zur Hälfte rhetorischen Frage »Auseinandergelebt?«, bringen prägnant die breit gestreuten Aspekte des lesenswerten Bandes auf den Punkt. *Alexander Kluy*

Gisela Dachs (Hrsg.): »Umbrüche. Neues und Altes aus der jüdischen Welt«. Jüdischer Verlag, Berlin 2023, 252 S., 24 €

Раньше всё было лучше?

ЕВРЕЙСКИЙ АЛЬМАНАХ *Новый том посвящён переломным моментам и изменениям*

Есть только одно надёжное правило: надёжных правил нет. Даже этого», – так поэт Иоахим Рингельнац описал закономерность изменений. Гизела Дакс, журналист и профессор из Иерусалима, избрала эти крылатые слова лейтмотивом нового тома Еврейского альманаха, который она выпускает с 2001 года.

В своём вступительном эссе Галили Шахар, заведующий кафедрой сравнительного литературоведения им. Марселя Райх-Раницкого в

Тель-Авивском университете, рассматривает литературно-этимологические качества понятия «переломный момент», демонстрируя, что структурные трансформации, смещение и изменение парадигм часто воспринимаются как потрясение, разрыв, разобщение, или, прибегая к иностранному слову, как кризис.

После этого научно-академического эссе следует перейти к тексту Вивианны Берг: «Erinnerungswerke (Zürich)», посвящённому мемориальным местам и культуре памяти в

Цюрихе, а затем – к прозаической виньетке Эстер Орнер, опубликованной в 2010 году и впервые переведённой на немецкий язык. Орнер рассматривает такие вопросы, как «Как жить дальше?» и «Как выжить в экзистенциально-духовном плане?». Жаклин Энар прослеживает переломные моменты в биографии Йосефа Кларвейна. Её тонкий портрет архитектора – первая работа, посвящённая этой теме. Кларвейн родился в Варшаве в 1893 году, а в 1934 году эмигрировал с семьёй в Палестину. Там он проектировал общественные и коммерческие здания, такие как ратуша в Нагарии и здание юридического факультета в кампусе Гиват-Рам Еврейского университета в Иерусалиме. Его главный и самый известный проект – здание Кнессета, израильского парламента.

В сборнике также содержатся тексты, посвящённые выживанию и обновлению немецкоязычного еврейского сообщества в XIX веке, типографике и традиции, демократии и расистским концепциям, представителям немецко-еврейской интеллигенции. Историк Ницан Лебович смело сопоставляет поэта Пауля Целана с Марином Бубером, Вальтером Бенямином и Ханной Arendt. Также в альманахе содержатся материалы о теориях заговора во время пандемии, проблемах лингвистики и развитии еврейской общины Ирана с 1940 года. Под вопрошающим, лишь наполовину риторическим заголовком «Отчуждённые?» директор фонда «Новая синагога Берлина» Аня Зигемунд пишет о «старых союзах, новых определениях и прочих потрясениях в культуре памяти». Её размышления применимы к широкому спектру вопросов, обсуждаемых в этом достойном внимания альманахе.

Александр Клуй

Anzeige

Deine Meinung zählt!

GEMEINDEBAROMETER 2024

ZENTRALRAT DER JUDEN IN DEUTSCHLAND

Du bist über 16 Jahre und jüdisch? Ob Mitglied in einer Gemeinde oder nicht: Deine Meinung zählt!

Nimm jetzt anonym an unserer Online-Umfrage zum Gemeindeleben und zur jüdischen Gemeinschaft teil!

www.gemeindebarometer.de In Kooperation mit infas und